

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Альфред Штирнер — латиноамериканский революционер

На примере биографии швейцарского коммуниста Эдгара Воога (Альфреда Штирнера, 1898—1973) авторы статьи демонстрируют творческий характер развития связей Коминтерна с его секциями в Латинской Америке. Проанализирована роль Воога в ряде ключевых для левого движения эпизодов — отношения Коминтерна с В.Р.Айя де ла Торре, альянс компартии Мексики и крестьянских лиг, план вооруженной экспедиции против диктатора Х.В.Гомеса, задуманный Венесуэльской революционной партией. Исследованы эволюция воззрений функционера III Интернационала и степень его самостоятельности в оценке революционных процессов в Западном полушарии.

Ключевые слова: Эдвард Воог, Коминтерн, Латинская Америка, Айя де ла Торре.

ВВЕДЕНИЕ

Для членов III Интернационала, вдохновленных идеей мировой революции, не существовало границ. Борьба против международного и национального капитала, защита «родины мирового пролетариата» — Советской России (СССР) — была долгом каждого коммуниста. Устав Коминтерна обязывал его членов при переезде в другую страну вступать в местную национальную секцию, что касалось как рядовых коммунистов, вынужденных менять место жительства, так и представителей всемирной компартии, направлявшихся в более или менее длительные командировки в национальные секции. Герою настоящего исследования пришлось за время его участия в международном коммунистическом движении побывать членом четырех национальных секций III Интернационала. Он осуществлял меж-

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор РАН, профессор кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ, профессор ГУАП, (jeifets@gmail.com); **Лазарь Соломонович Хейфец** — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований СПбГУ, (ilaranspb@hotmail.com)

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ 1601-00138 «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка».

дународную деятельность сотрудника Коминтерна, выступая в роли эксперта по латиноамериканской тематике и работая с представителями левого движения различных стран. В историографии долгое время существовал стереотип образа «руки Москвы», жестко и директивно определявшей посредством направления «агентов» линию и даже детали поведения национальных секций Коминтерна¹. С момента открытия для исследователей архива III Интернационала огромный документальный массив предоставляет возможность оценить степень достоверности данного тезиса. Масштаб работы Эдгара Воога (Штирнера) позволяет считать его типичным примером функционера для оценки модели деятельности международного объединения по проведению в жизнь установок руководства Коминтерна.

Эдгар Воог (Альфред Штирнер)

Биография Э.Воога становилась предметом изучения не раз², однако латиноамериканские эпизоды деятельности швейцарца оставались историографической лакуной³. Между тем десять лет, практически весь «романтический» период деятельности Коминтерна, он был в центре формирования коммунистического движения в Западной полушарии, когда латиноамериканская политика постоянно менялась, сосуществовали различные подходы к работе на этом направлении.

ШТИРНЕР И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Эдгар Воог родился 24 апреля 1898 г. в Базеле (Швейцария) в семье мелкого буржуа, владельца суконной лавки. Бизнес явно не приносил больших доходов, и 16-летний Эдгар «пошел в люди»: работал учеником в зерноторговой фирме, батраком, помогал отцу. Трудовую деятельность совмещал с учебой: сначала в средней школе, затем в Базельской торговой школе, на вечерних курсах получил профессию библиотекаря. Рано приобщился к революционной деятельности: в 1916 г. вступил в Международный студенческий союз, Международный союз абсентеистов, Социалистическую молодежь Швейцарии (Sozialistische Jugend Schweiz, (SJS), работал в редакции газеты SJS «Freie Jugend» и в 1918 г. стал членом ЦК организации, а в 1919 г. вступил в Социалистическую партию Швейцарии (Sozialistische Partei der Schweiz, SPS)⁴.

Во время Первой мировой войны Швейцария оказалась важнейшим центром международного революционного движения. Именно здесь происходили судьбоносные встречи социал-демократов — противников империалистической войны (Циммервальдская и Кинтальская конференции,

Бернская международная социалистическая конференция молодежи), на которых обсуждались судьбы революции, в том числе и идея создания международного объединения революционных марксистов. Молодые швейцарские социал-демократы с энтузиазмом воспринимали новые идеи и были их активными проводниками в революционную практику.

Воог впервые попал в Мексику по «настоянию отца», отправившего его к брату, «имевшему там дело». Но, являясь одним из адептов мировой революции, Воог не мог ограничиться задачами, поставленными семьей: «Я отправился в Мексику с желанием увидеть мир, с полной уверенностью, что там также должно иметься рабочее движение»⁵. Он приехал в Мехико осенью 1919 г., работал в типографии и аптеке, пытаясь одновременно выучить испанский, чтобы связаться с местными единомышленниками. К этому моменту в стране социалистическая партия была преобразована в Мексиканскую коммунистическую партию (Partido Comunista Mexicano, РСМ), и появилось Латиноамериканское бюро III Интернационала. В декабре 1919 г. швейцарец встретился с секретарем бюро Хосе Алленом в качестве делегата Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) в Мексике. О поездке за океан Воог известил товарищей по молодежному движению. Базельский секретариат только что созданного КИМ не мог отказаться от возможности без особых усилий получить представителя в Западном полушарии и делегировал ему эти полномочия. Отныне он тратил все свое свободное время на партийную деятельность. Так надолго исчез Эдгар Воог и родился международный коммунистический функционер «Альфред Штирнер».

Главным делом Штирнера стало основание в январе 1920 г. вместе с мексиканцами Хосе Валадесом и Ф.Торресом молодежной организации, завязавшей тесные контакты с РСМ⁶. Новая структура, являвшаяся конгломератом коммунистов и анархо-синдикалистов, первоначально объявила себя Союзом эгалитарной молодежи (Unión de la Juventud Igualitaria, UJI). После раскола UJI Валадес и Штирнер создали в октябре 1920 г. Федерацию молодых коммунистов (Federación de Jóvenes Comunistas, FJC). Несмотря на усилия Штирнера и Валадеса, противоречия анархистов и коммунистов привели к развалу организации к январю 1921 г.⁷.

Исполком КИМ, учитывая близость Мексики к США, считал местное коммунистическое движение важным с точки зрения стратегии «мировой революции» и пообещал FJC всестороннюю поддержку. Штирнеру было поручено руководство субсекретариатом КИМ для Центральной и Южной Америки (по сути субсекретариат состоял из него одного), осуществляя деятельность в политической сфере в сотрудничестве с Латиноамериканским бюро III Интернационала⁸. Берлинское руководство КИМ предложило своему делегату установить контакты с существующими южноамериканскими молодежными организациями, но наладить «континентальную» работу субсекретариату не удалось. Главным препятствием стало отсутствие прочной связи с остальными странами Америки. «Хорошо работающих», по словам Штирнера, молодежных организаций в Аргентине, Чили, Уругвае и Перу в то время еще просто не существовало⁹. Кроме того, поистине безудержного энтузиазма швейцарца не хватало на обеспечение всех направлений работы; КИМ же не располагал возможностями для направ-

ления в помощь ему разъездных агентов. В Мексике работа Штирнера была полулегальной, что также ограничивало сферу его деятельности.

Отвечая на директивы руководства, базелец, полный иллюзий о быстрой пролетарской революции, отверг возможность плодотворной работы среди студенчества, указав на незначительное число «сознательных» людей в университетах, и предложил сосредоточиться на организации рабочего движения, взрывной характер которого, по его мнению, требовал развернуть пропаганду, чтобы в благоприятный момент «овладеть» столицей. Для более тщательной подготовки, указал Штирнер, в стране началось формирование подпольных коммунистических организаций¹⁰. Новая реорганизация молодежной организации привела к созданию 15 января 1921 г. Федерации коммунистической молодежи Мексики (*Federación de Juventudes Comunistas de México, FJCM*), которая на протяжении нескольких месяцев сумела довести свою численность до полутора сотен человек.

Штирнер трезво оценивал перспективы усиления коммунистического союза молодежи, указав, что невозможность вовлечь в деятельность «широкие массы» не позволяет развернуть серьезную работу. «Подпольные коммунистические организации» и вовсе, судя по имеющимся данным, были плодом воображения швейцарца и его мексиканских единомышленников. Тем не менее вполне справедливым представляется его вывод о том, что практическую организационную деятельность в стране осуществляли молодые коммунисты, а не находившаяся долгое время в «полуобморочном состоянии» РСМ. Именно молодые коммунисты проделали основную часть работы по созданию массовой организации — Коммунистической федерации мексиканского пролетариата (*Federación Comunista del Proletariado Mexicano, FCPM*), передав затем партии нити управления ею.

Штирнер также способствовал налаживанию контактов мексиканских коммунистов с европейскими единомышленниками и Коминтерном, ослабленных после отъезда его эмиссара в Западном полушарии Михаила Марковича Бородина. РСМ попросила найти швейцарского товарища, готового представлять Мексику на планируемой в Европе коммунистической конференции. Штирнер предложил эту роль своему соотечественнику Жюлю Эмбер-Дро, проинформировав его о существовании Латиноамериканского бюро III Интернационала и готовящемся континентальном коммунистическом конгрессе. Признавая отсутствие у бурно развивающегося рабочего движения четкой ориентации и наличие организационных трудностей из-за недостатка средств, Штирнер, тем не менее, считал, что Мексику ждет социалистическая революция. Явно преувеличивая возможности страны выдержать американскую блокаду, Штирнер настаивал на необходимости подробно разъяснить этот вопрос ЦК РКП/б/, чтобы заставить Москву уделять Мексике более серьезное внимание¹¹.

В отсутствие в стране уполномоченного III Интернационала Штирнер выполнял и его функции. Разбираясь в конфликте между мексиканской компартией (РСМ) и созданной незадолго до ее появления Коммунистической партией Мексики, он решительно принял сторону первой, охарактеризовав в сентябре 1920 г. основателя параллельной партии Линна Гэйла как «меньшевика» и представителя «Общества изменников дела пролетариата», враждебного Коминтерну. От лица РСМ Штирнер обратился к сотрудникам ИККИМ с просьбой принять меры для «разоблачения» Гэйла, отка-

зав ему в праве считаться коммунистом. В октябре 1920 г. представитель КИМ попросил наладить контакт Бюро Людвиг Мартенса* в США с Мексикой, не обращая при этом внимания на декларированный бюро дипломатический характер своей деятельности, прямо называя его американским центром III Интернационала¹².

Штирнеру было поручено организовать отправку делегата Мексики на конгресс КИМ и прибыть на форум самому. Из-за невозможности направить делегата-мексиканца единственным представителем Мексики с решающим голосом оказался сам Штирнер с говорящим псевдонимом «Тиль», одновременно принявший участие в III конгрессе Коминтерна (1921)¹³.

По возвращении в Мексику Штирнер включился в работу Панамериканского бюро Коминтерна, действовавшего под руководством японского коммуниста Сэн Катаямы с марта 1921 г., участвовал в издании газет «La Plebe» и «El Obrero Comunista», вместе с Валадесом занялся реорганизацией местных ячеек FJCM. Федерация тесно сотрудничала с Мексиканским бюро Профинтерна, которое возглавлял Чарльз Филлипс (Фрэнк Симэн), один из основателей РСМ, вернувшийся в страну после участия во II конгрессе Коминтерна (1920 г.) уже в качестве делегата Интернационала. Временами между ними возникали острые трения, в первую очередь из-за негибкой позиции американца в отношении молодежного коммунистического движения, его рекомендаций отмежеваться от недостаточно коммунистически настроенных элементов. Штирнер указывал, что Мексика серьезно отличается от Европы и FJCM не может позволить себе «роскошь» самоизолироваться от потенциальных сторонников, отдавая их в руки анархистов¹⁴. Эволюция его взглядов в сторону более гибких подходов стала заметна уже тогда.

ГЛАВНЫЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТ КОМИНТЕРНА

Пребывание Штирнера в качестве делегата КИМ в регионе завершилось в 1922 г., но налаженные им контакты обусловили его последующую деятельность в латиноамериканском коммунистическом движении и роль в руководстве Коминтерна. Перед IV конгрессом швейцарец был назначен заведующим информационно-статистическим отделом Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ), в задачи которого входило издавать на нескольких языках еженедельный информационный бюллетень, отражавший деятельность Коминтерна, собирать статистические данные по вопросам экономики, международного рабочего движения¹⁵. Отдел работал во взаимодействии с референтами по регионам, одним из которых (отвечавшим за Испанию, Португалию, Мексику и Южную Америку) решением Оргбюро ИККИ 10 ноября 1923 г. был назначен Штирнер в дополнение к имеющимся обязанностям. За два года, прошедшие между IV и V конгрессами (1922, 1924), он подготовил 33 доклада по

* Людвиг Карлович Мартенс (1874—1948) — российский революционер немецкого происхождения, советский общественно-политический деятель, инженер. В 1919 г. назначен официальным представителем Советской России в США. Тогда же организует «Общество технической помощи Советской России». В том же году во время антиреволюционных рейдов Палмера (Александр Митчелл Палмер (1872—1936) — в 1919—1921 гг. Генеральный прокурор США) Советское бюро подвергается полицейскому обыску и после слушаний в сенате Людвиг Мартенс высылают из страны. — *Прим. ред.*

ситуации в регионе для Исполкома и его Президиума¹⁶. Это не было рядовой чиновничьей работой, как можно было бы судить по формальному названию должности. О значимости этой структуры для деятельности ИККИ говорит звездный состав референтуры: Антонио Грамши, Лев Давидович Троцкий, Николай Иванович Бухарин, Карл Бернгардович Радек, Григорий Евсеевич Зиновьев, Клара Цеткин, Васил Коларов, Отто Куусинен и др.

IV конгрессом Коминтерна швейцарец был избран членом ИККИ от Южной Америки, войдя в высшую иерархию всемирной компартии. На V конгрессе, делегатом которого Штирнер был как член ИККИ и на котором он исполнял функции члена секретариата и секретаря программной комиссии, было решено передать представительство Южной Америки в ИККИ от мексиканской к аргентинской компартии. Штирнер был избран членом Интернациональной контрольной комиссии (ИКК) от Мексики, стал ее секретарем, продолжая одновременно возглавлять информационный отдел. После конгресса Штирнера включали в рассматривавшие ключевые для различных секций Коминтерна вопросы комиссии: испанскую, голландскую, германскую (дело Брандлера и Тальгеймера*), мексиканскую. При очередной реорганизации аппарата ИККИ в марте 1926 г. он вошел в состав Секретариата ИККИ для Испании, Португалии, Аргентины, Мексики, Бразилии, Чили, Парагвая, Кубы.

Все это время Штирнер поддерживал связь с лидерами РСМ и дважды вызывался ими для участия в ликвидации внутривнутрипартийных кризисов. Из Москвы швейцарский коммунист вел постоянную и официальную, и конфиденциальную переписку с руководителями ряда компартий и был в курсе партийных перипетий. Кроме того, он как единственный эксперт (и один из немногих, знающих испанский язык функционеров Коминтерна) находился в центре обсуждения всех проблем латиноамериканского левого движения, участвовал в подготовке документов, принимавшихся руководящими органами III Интернационала. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) сохранилась его обширная корреспонденция, дающая представление как о его работе, так и об особенностях взаимоотношений Москвы с различными группами и политиками.

* Генрих Брандлер (1881—1967) — немецкий коммунист, председатель Коммунистической партии Германии (Kommunistische Partei Deutschlands, KPD в 1921—1924 гг., с конца 1920-х годов — лидер Коммунистической партии — Оппозиция (Kommunistische Partei — Opposition или KPD-Opposition); Август Тальгеймер (1884—1948) — марксист, один из основателей KPD. Позднее был исключен из KPD. — Прим. ред.

Руководство Коминтерна в 1920-е годы осознавало «родовую травму» латиноамериканского коммунистического движения: недостаток лидеров, обладающих организаторскими навыками и способных генерировать идеи, дающие возможность расширить спектр деятельности левых, упрочив связи III Интернационала со странами континента. Штирнер всячески поддерживал в Москве линию РСМ, делавшую ставку на «втягивание» в орбиту своего влияния перспективных партнеров, способных привлечь к себе не только пролетариев, но и интеллигенцию, прежде всего студенчество, игравшее в Латинской Америке все большую роль.

В ПОИСКАХ НОВЫХ ЛИДЕРОВ

Одним из первых кандидатов в лидеры «нового типа» оказался Виктор Рауль Айя де ла Торре, вождь перуанских студентов, выступавших против авторитаризма президента Аугусто Легии (1908—1912, 1919—1930), неплохой пропагандист, увлекавший за собой массы, ставку на которого сделало руководство РСМ, осознававшее потенциальное значение вовлечения Айя де ла Торре в континентальную коммунистическую деятельность: они заявили Москве о том, что было бы «почти несчастьем... не использовать его энергию, личность и разум...»¹⁷. Важным условием для становления перуанца как коммуниста и ведения им «интенсивной и плодотворной кампании за коммунизм и Россию в Латинской Америке» было, по их мнению, установление личных контактов с Коминтерном в Москве. Это полностью совпадало с планами самого Айя де ла Торре, хотевшего «поехать в Россию, чтобы защищать ее сознательно». Средства для вояжа выделила

Рабочая (коммунистическая) партия Америки (Workers' (Communist) Party of America, W(C)PA), согласившаяся с тем, что возможным результатом поездки может стать образование сильной компартии в Перу и «отзвук среди студентов Аргентины, Кубы, Боливии и Панамы, где он пользуется большим влиянием»¹⁸. К этому моменту Айя де ла Торре был членом РСМ и в мае 1924 г. принял участие в работе партийного съезда¹⁹.

Во время пребывания в СССР перуанец установил неформальные контакты с ответственными работниками Исполкома Коминтерна и поддерживал их на протяжении ряда лет. Будущий основатель Американского народно-революционного альянса (Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA), впоследствии гордившийся своей независимостью от «европейского» III Интернационала, вместе с функционерами ИККИ размышлял о реализации идеи мировой революции в латиноамериканских условиях, и в аппарате Интернационала довольно долго рассматривался как один из потенциальных лидеров коммунистического движения в Западном полушарии²⁰.

Штирнер выражал надежду на то, что возвращение Айя де ла Торре в Мексику станет серьезной поддержкой руководству РСМ и во время его поездки по Европе рекомендовал западноевропейским компартиям оказать ему помощь. Далеко не во всех случаях такая поддержка была оказана, и раздраженный невниманием неопит мировой компартии жаловался своему швейцарскому другу: «Пролетарская Европа посмеивается над империализмом в нашей Америке и посылает нас к черту!»²¹.

Через Штирнера Айя де ла Торре предложил Коминтерну план формирования крупной партии на базе рабочих и крестьян Перу и ее последую-

шего преобразования в «международную в масштабах Латинской Америки». «Программа-максимум и минимум партии будет такой же, как у коммунистических п.[артий], но слово это использоваться не будет...». При этом он настаивал на «автономии в нашем развитии и деятельности», указывая на неспособность латиноамериканских секций Коминтерна **«американизировать»** тактику, в то время как его «партия может найти иные дороги для достижения тех же самых целей»²². По сути дела речь шла о континентальной революции, центром которой должна стать Перу ввиду отсутствия в данной стране сложившегося партийного (коммунистического) руководства с догматическим мышлением. Айя де ла Торре просил Штирнера «переговорить с начальством», «выяснить «официальное мнение И.[сполкома]...по поводу программы», подчеркивая, что тем самым «он подтверждает свою революционную дисциплину»²³. Коминтерновский эксперт тоже рассматривал ситуацию в Перу как перспективную для революционного движения, однако считал представления своего корреспондента «слишком абстрактными» для выработки конкретных планов борьбы, видя главное препятствие для осуществления этих проектов в будущей партии, «организованной непосредственно для захвата власти», но в которой ее вождь **«почти единственный человек, обладающий более или менее марксистской концепцией революционного движения»**. (Выделено авторами. — В.Х., Л.Х.) Штирнер настаивал на том, что «без железной партии, без группы товарищей, обладавших прекрасным собственным опытом и опытом русского революционного движения... власть не удастся удержать даже пару месяцев»²⁴.

И перуанец, и швейцарец одинаково видели соотношение европейского и латиноамериканского движения, хотя в основе их взглядов лежали разные послы. Айя исходил из невозможности «ждать Европу», ибо «индейцы и рабочие требуют действий», любое ожидание европейской революции должно было превратить революцию американскую в жертву, и предлагал из-за наличия специфических проблем действовать собственными силами, «без вмешательства или покровительства со стороны Европы»²⁵.

Коминтерновский функционер терпеливо разъяснял пылкому потенциальному вождю континентальной революции ограниченность возможностей мировой компартии: «...пойми, что КИ должен сконцентрировать все свои силы на подталкивании революции во Франции, Германии и Италии... Все это приводит к тому, что КИ не уделяет всего того внимания нашим странам (Латинской Америке. — В.Х., Л.Х.), которое, как мы считаем, он должен уделять»²⁶.

Штирнер лоббировал возможность новой поездки Айя де ла Торре в Москву для доклада Расширенному пленуму ИККИ. С точки зрения потенциальной мировой революции этот вояж имел серьезные перспективы, но медленно работавшая бюрократическая машина ИККИ не смогла оперативно решить проблему ее финансирования, хотя цена вопроса в денежном выражении была невелика. Вместо Москвы Айя де ла Торре поехал в Лондон, затем вернулся в Мексику, где и основал знаменитый Американский народно-революционный альянс (Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA). Программа альянса в точности повторяла идеи, высказанные в письмах его лидера швейцарскому эксперту Коминтерна, но в то же время провозглашала APRA «латиноамериканским автономным движением без какого-либо иностранного вмешательства или влияния», главной движущей силой революционного антиимпериалистического движения в Латинской Аме-

Рафаэль Мануэль Каррильо

рике. Практическим результатом полемики Айя де ла Торре с руководством Коминтерна стал декларативный разрыв Москвы с лидером APRA после Брюссельского антиимпериалистического конгресса (1927)²⁷.

По просьбе РСМ Штирнер в 1926 г. был направлен Секретариатом ИККИ в Мексику для участия в ликвидации внутрипартийного кризиса, в основе которого лежали разногласия крестьянской лиги штата Веракрус с ЦК РСМ. Бывший генсек РСМ Мануэль Диас Рамирес лоббировал идею переноса ЦК в Веракрус, где росло влияние радикального аграрного движения. Это во многом определило бы модель развития мексиканского коммунистического движения, укрепив связи с крестьянскими организациями. Штирнер поддерживал этот план, однако он не был реализован из-за противо-

действия новых лидеров партии — американца Бертрама Вольфа и Рафаэля Мануэля Каррильо. Официально решение оставить ЦК в столице мотивировалось стремлением возродить в сотрудничестве с W(C)РА Панамериканское бюро Коминтерна. Желая получить журавля в небе (вернуть в Мексику центр континентального движения), ЦК жертвовал отношениями с прокоммунистически настроенными в тот момент вождями крестьянства.

Эта дилемма усугубилась конфликтом личностным. Снятый с поста генсека Диас Рамирес возглавил Секретариат ЦК Крестьянской лиги Веракруса (Liga de Comunidades Agrarias del Estado de Veracruz, LCAEV), что автоматически поставило связи между аграристами и РСМ в зависимость от его отношений с руководством в Мехико. Штирнер «ретранслировал» Москве мнение Диаса Рамиреса (с которым он был солидарен) о реальной угрозе того, что Урсуло Гальван — лидер LCAEV, «ЕДИНСТВЕННОЙ организации, на которую мы имеем решающее влияние... пошлет к чертовой матери» ЦК²⁸. Связь между партией и ее сторонниками в Веракрусе превратилась в этот момент — по оценке американца Чарльза Филлипса, (представлявшего в Мексике W(C)РА) — «лишь в тоненькую ниточку»²⁹. И этот конфликт требовал немедленного разрешения.

Наметившийся разрыв аграрно-коммунистического альянса сумело сгладить только прямое вмешательство Штирнера, убедившего руководство III Интернационала в том, что нельзя «позволить себе роскошь» раскола. Он откровенно заявил, что партия «рубит сук, на котором сидит», способствуя укреплению влияния антикоммунистического крыла в аграристском движении, инициировал телеграмму ИККИ, приказавшую немедленно «остановить фракционную борьбу Рафаэля Мануэля», и «развел в стороны» сцепившихся в схватке руководителей РСМ. Во время IV съезда

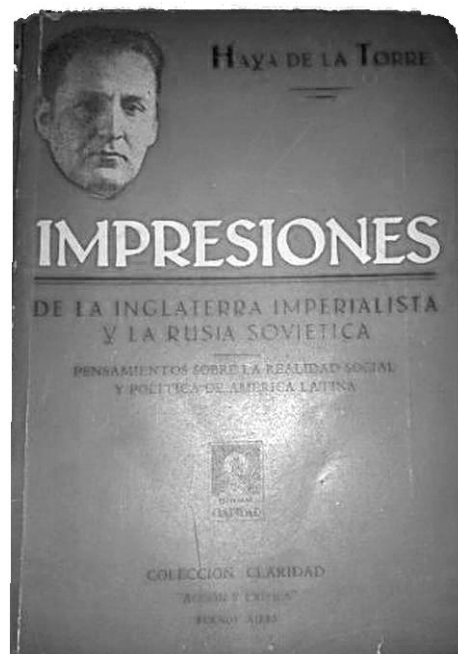
РСМ Штирнер вступил в жесткий спор с полпредом СССР Станиславом Станиславовичем Пестковским (под псевдонимом «Андрей» временно выполнявшим функции представителя Коминтерна в Мексике и игравшим важную роль в принятии партийных решений). Пестковский однозначно поддерживал Вольфа и Каррильо и настоял на исключении Диаса Рамиреса «как духовного вдохновителя политики крестьянского союза». Он даже заявил, что если произойдет «реабилитация» этого деятеля, то он «должен будет подать в отставку как посол» и заклеил Штирнера как «адвоката политических проходимцев»³⁰.

Между посланцами Коминтерна, один из которых (Штирнер) приехал специально для урегулирования разногласий, а второй (Пестковский) уже давно находился в стране и имел прямое отношение к зарождению конфликта, возник принципиальный спор о степени допустимого участия советских дипломатов в делах РСМ. Пестковский настаивал на праве полпредства «вмешиваться против неверных решений Центра [ЦК]» и заявлял: «будет лучше, чтобы руководство партией... находилось на деле в моих руках»³¹. Позиция Штирнера была явно более взвешенной: «партия будет благодарна всякому хорошему совету, который она получит из посольства»³². Одновременно он отмечал необходимость уделять больше внимания со стороны НКВД СССР советской дипмиссии в Мексике — единственному полпредству в Западной полушарии³³, объективно превращавшемуся в центр политического притяжения левых и антиимпериалистических сил в стране и за ее пределами.

На съезде делегату Москвы, возмущенному авантюризмом части членов ЦК, пришлось открыто дискутировать не только с Каррильо и его соратниками, но и с принимавшими участие в партийном форуме сотрудниками полпредства Леонидом Яковлевичем Хайкисом и Видасом, убежденными в опасности «крестьян» для РСМ. В ходе острейшей дискуссии именно авторитет швейцарца оказался решающим аргументом.

Немного позже Штирнер оказался в центре кризиса в отношениях Москвы и коммунистического ядра Венесуэльской революционной партии (Partido Revolucionario Venezolano, PRV), выступавшего за вооруженную борьбу с диктатурой Хуана Висенте Гомеса и рассчитывавшего на сотрудничество с международным коммунистическим движением. Этот план было готово поддержать мексиканское правительство, пообещавшее венесуэльцам оружие.

Хорошо понимая, что далеко не всю антигомесовскую оппозицию устроит реализация в стране идеи всемирной революции под эгидой Коминтерна, ком-

Обложка книги Р.Каррильо «Impresiones de la Inglaterra imperialista y la Rusia soviética». Буэнос-Айрес, 1932 г.

мунисты создали внутри PRV тайную «Континентальную Революционную группу», намереваясь после «победы вооруженного восстания» воспользоваться ситуацией для «победы коммунизма в Америке». Как и Айя де ла Торре, они считали возможным завоевание власти в одной из стран континента для создания базы для борьбы в других странах³⁴, но в качестве потенциального плацдарма для развертывания континентальной революции и установления диктатуры пролетариата венесуэльцы рассматривали свою родину, а не Перу. Делегаты Коминтерна, работавшие в Мексике (Станислав Пестковский, Альфред Штирнер и Михаил Григорьевич Грольман («Освальд»)), были в курсе этих планов и, безусловно, их поддерживали, считая что активную оппозицию за границами Венесуэлы можно превратить в базу для развертывания антидиктаторского и антиимпериалистического движения³⁵.

Летом 1926 г. Континентальная группа направила венесуэльского коммуниста Густаво Мачадо в Москву для установления и поддержания «широких и братских отношений» между правительством СССР и «правительством, которое будет создано в Венесуэле после победы Революции» и «обсуждения с вами реализации того, о чем мы недавно говорили»³⁶. Адресату письма — Штирнеру — не надо было напоминать, о чем идет речь, и что нельзя было написать даже в самом конфиденциальном письме — о планах вооруженного выступления. Но, как вспоминал впоследствии Мачадо, «все «экспедиционные» проекты были восприняты в ИККИ как деятельность без опоры на внутреннюю социальную базу, и нам был дан совет проникнуть в страну и создать внутри рабочего класса и крестьянства и среди недовольных секторов революционную партию пролетариата»³⁷. Чрезвычайный посланник «Революционного правительства» Венесуэлы был обескуражен обструкционистской позицией московских инстанций.

Находившийся в это время в Мехико Штирнер позицию Москвы не разделял. Уже после провала миссии Мачадо он обещал проинформировать руководство Коминтерна о потребностях венесуэльских революционеров, но одновременно советовал лидеру PRV Карлосу де Леону самому съездить в Москву, считая, что «венесуэльские товарищи намного лучше организованы, чем те люди, которые руководят либеральным движением в Никарагуа, и у них намного больше перспектив, чтобы противостоять американской интервенции»³⁸. Но от своего решения высшие руководители Коминтерна не отступили. План организации вооруженной антигомесовской акции, в реализации которого венесуэльские революционеры пытались опереться на поддержку мексиканского и советского правительств, приказал долго жить. В этой ситуации Штирнер уже ничем не мог помочь венесуэльским единомышленникам.

ШТИРНЕР, РСМ И ЕЕ РАЗРЫВ С КРЕСТЬЯНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ

В 1928 г. Штирнер приступил к работе секретарем Западноевропейского секретариата ИККИ в Берлине, осуществлявшим связи с ведущими компартиями континента, но руководство Коминтерна пошло навстречу просьбе делегации РСМ на VI конгрессе, прошедшем в том же году (Штирнер входил в нее с правом совещательного голоса), вновь направить его в Мексику. На сей раз он занял более жесткую позицию в отношении крестьянского движения, чем в 1926 г. Но за это короткое время радикально изменились и политические реалии

Мексики. Во время военного мятежа (март 1929 г.) активисты Национальной крестьянской лиги (Liga Nacional Campesina, LNC) поддержали правительство, предложив отказаться от участия в избирательной кампании, дабы не заставлять власти бороться одновременно на нескольких фронтах. РСМ критиковала временного президента страны Эмилио Портеса Хиля за пассивность и призвала рабочих и крестьян «организовывать наши собственные силы» для борьбы против реакции. Признав необходимость борьбы против мятежа, коммунисты собирались превратить его подавление в вооруженное восстание, захватив власть в ряде регионов³⁹.

Штирнер встал на сторону партии, считая позицию лидера LNC Урсуло Гальвана стремлением сыграть свою игру в изменившейся ситуации. Однако попытка ориентировавшихся на РСМ лидеров крестьянской лиги в штате Дуранго сохранить оружие, розданное для участия в подавлении мятежа, была пресечена правительством непривычно жестко: двое крестьянских руководителей (в том числе член ЦК РСМ Хосе Гуадалупе Родригес) были расстреляны. Расправа переполнила чашу терпения коммунистов. Штирнер откровенно писал в Москву: «Хаос в стране продолжится, несмотря на разгром антиправительственного мятежа, а экономическая ситуация с каждым днем становится все катастрофичнее... надо проводить всю организационную и агитационную работу, имея в виду, что в скором будущем... нам придется вести массы на вооруженное движение в нашу пользу»⁴⁰.

Гальван категорически отказался радикализировать свою позицию, возложив ответственность за события в Дуранго на руководство РСМ, и был исключен из партии⁴¹. В то же время нельзя сводить резкую эволюцию партийной политики в отношении с крестьянским движением и с правительством исключительно к давлению Москвы. В постреволюционной стране сама нестабильная обстановка и привычка к созданию местных военнизированных формирований оказывались факторами, способствующим развитию планов вооруженной борьбы.

Делегаты Коминтерна не видели трагедии в разрыве с крестьянским движением. По словам Грольмана, «между партией и Гальваном лег труп Родригеса». Такую же позицию занял и Штирнер, считавший, что партия «находится на правильном пути... Без преувеличения можно заявить, что если бы прошли честные выборы... мы получили бы абсолютное большинство»⁴².

В реальности основная часть LNC встала на сторону своего вождя, выйдя из-под влияния коммунистов и отдав свои голоса на выборах официальному кандидату или вовсе отказавшись принимать участие в выборах, что стало одним из факторов маргинализации компартии. По меткому выражению одного из лидеров мексиканских коммунистов Рафаэля Каррильо, «Гальван ушел со всем крестьянским движением, а мы оказались на улице»⁴³.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Более чем десятилетняя латиноамериканская эпопея Штирнера-Воога закончилась в 1930 г., когда он был включен в состав делегации ИККИ при компартии Испании (Partido Comunista de España, PCE) как инструктор по ее реорганизации. После ареста в 1931 г. и депортации в Мексику он вернулся в аппарат Исполкома Коминтерна: работал в Романском лендерсекретариате, преподавал в Международной ленинской школе. В 1935 г.

его опыт понадобился всемирной компартии на родине. С этого времени Штирнер стал играть важную роль в деятельности компартии Швейцарии (Kommunistische Partei der Schweiz, KPS): работал организационным секретарем ЦК, представлял KPS на VII конгрессе Коминтерна (1935 г.). С началом гражданской войны в Испании он отправился туда, но по договоренности с ЦК РСЕ вернулся в Швейцарию и занимался отправкой бойцов в интернациональные бригады. После запрета KPS (1940 г.) дважды арестовывался за нелегальную партработу, стал одним из инициаторов объединения коммунистов и левых социалистов в легальной Швейцарской партии труда (Partei der Arbeit der Schweiz, PAS) (1944 г.), в которой был членом ЦК, вице-председателем, секретарем ЦК. Почти 20 лет (1949—1968 гг.) Эдгар Воог — генеральный секретарь ЦК PAS, а в последние годы жизни — председатель Центральной контрольной комиссии партии. Но Латинская Америка не ушла из его жизни. Он поддерживал контакты со старыми соратниками — латиноамериканскими коммунистами, на склоне лет поделился воспоминаниями о своем друге Хулио Антонио Мелье с кубинской газетой «Revolución».

Пример работы швейцарского коммуниста Эдгара Воога в качестве одного из руководителей и идеологов коммунистического движения Латинской Америки показывает, что деятельность Коминтерна на континенте невозможно рассматривать как некую мантру. В штаб-квартире мировой компартии работали живые люди, имевшие свои представления о характере и путях континентальной революции. Их воззрения и действия не всегда совпадали с взглядами руководства. Роль таких функционеров для левого движения Латинской Америки невозможно переоценить. Благодаря Воогу в Коминтерне укреплялась линия на сотрудничество коммунистов с немарксистскими секторами левого движения, что давало компартиям возможности потенциального роста. В то же время взгляды Воога и других функционеров всемирной компартии менялись, в том числе и под влиянием перехода Коминтерна от «романтического периода» к сталинской бюрократизации, начавшегося в 1928—1929 гг. Так или иначе швейцарский коминтерновец всегда оставался дисциплинированным сотрудником III Интернационала, проводя его линию в латиноамериканском левом движении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ V.A l b a. Historia del movimiento obrero en América Latina. México, Editorial Limusa Wiley, S.A., 1964; R. J.A l e x a n d e r. Communism in Latin America. New Brunswick, New Jersey, Rutgers University Press, 1957; B.G o l d e n b e r g. Kommunismus in Lateinamerika. Stuttgart-Berlin-Köln-Mainz, Verlag W. Kohlhammer GmbH, 1971.

² P.H u b e r. Stalins Schatten in die Schweiz. Zürich, Chronos, 1994; B.S t u d e r. Un parti sous influence: Le parti communiste suisse, une section du Komintern 1931 a 1939. Lausanne, L'Age d'Homme, 1994; P.S t e t t l e r. Die Kommunistische Partei der Schweiz: 1921—1931, ein Beitrag zur schweizerischen Parteiforschung und zur Geschichte der schweizerischen Arbeiterbewegung im Rahmen der Kommunistischen Internationale. Bern, Francke, 1980.

³ P.O р т и с. Коминтерн и конфликты в Мексиканской коммунистической партии, 1925—1926 гг. — Латиноамериканский исторический альманах, 2011, № 11, с. 272—283. [R.O r t i z. Komintern i konflikty v Meksikanskoi kommunisticheskoi partii, 1925—1926 gg.] [The Comintern and conflicts in the Mexican Communist Party, 1925—1926]. Latinoamerikanskii istoricheskii almanakh [Latin American Historical Almanach], 2011, N 11, p. 272—283.

⁴ Carpeta personal de E.Woog. — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 65а. Д. 8536. Л. 4(34) [Rossiiskii Gosu-

darstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii] [Russian State Archive of Social and Political History], F.495, Op. 65a, D. 8536, L.4(34)].

⁵ Autobiografía de E.Woog. RGASPI. F. 17. Op. 98. D. 6811. L. 9.

⁶ А.К у р е л л а. От Берлина до Москвы. М., Молодая гвардия, 1930, с. 87 [A.Kurella. Ot Berlina do Moskvy] [From Berlin to Moscow]. М., Molodaya gvardiya, 1930, p. 87]; Carpeta personal de E.Woog ... L. 4(34).

⁷ The Communist Youth of Mexico. — RGASPI. F. 495. Op. 18. D. 65. LL. 142-143.

⁸ Der Brief aus Berlin zu Stirner. 3 September, 1920. Ibid. F. 533. Op. 3. D.14. LL.26-27.

⁹ А.К у р е л л а, Op. cit., p. 88; Stirner zu Z. April 3, 1922. RGASPI. F. 533. Op. 4. D. 15. L. 15; der Brief aus Mexiko. Juni 7, 1922. Ibid. L. 44; Die Briefe zu Stirner aus Berlin. Oktober-Dezember, 1920. Ibid. Op. 3. D. 14. LL. 29—31,33.

¹⁰ Stirner zu Ziegler. 6 November, 1920. RGASPI. F. 533. Op. 4. D. 3. LL. 40-40 ob.

¹¹ Stirner aus Mexiko zu Humbert-Droz. 27 Mai, 1922. RGASPI. F.533. Op.4. D.3. LL.10—11, 21—22.

¹² Stirner zu Eggi. 25 September, 1922. Ibid. LL. 35—38.

¹³ Listas de delegados al III Congreso de la Comintern y las credenciales de los delegados. RGASPI. F. 490. Op. 1. D. 201. LL. 1a, 5, 19, 23

¹⁴ The Communist Youth of Mexico...; José a Eggi, 22 de abril de 1921. RGASPI. F. 495. Op. 108, D. 14. L. 7ob; Der Brief aus Mexiko für L. 9 Februar, 1922. RGASPI. F. 533. Op. 4. D. 15. L. 7.

¹⁵ Г.М.А д и б е к о в, Э.Н.Ш а х н а з а р о в а, К.К.Ш и р и н я. Организационная структура Коминтерна. 1919-1943. М., Росспэн, 1997. с. 75-76 [G.M.A d i b e k o v, E.N.S h a k h n a z a r o v a, K.K.S h i r i n i a. Organizatsionnaya struktura Kominterna. 1919—1943] [The Organizational Structures of the Comintern, 1919—1943]. М., Rosspen, 1997, p. 75—76.

¹⁶ Два года борьбы и работы. Обзор деятельности Исполкома и секций Коммунистического Интернационала за период с IV по V конгресс. М., Красная Новь, 1924., 113, 124 [Dva goda borby i raboty. Obzor deyatelnosti Ispolkoma i seksii Kommunisticheskogo Internatsionala za period s IV po V congress] [Two years of the Struggle and Work. An Overview of the activities of the Executive and sections of the Communist International since IVth to Vth Congresses] М., Krasnaya Nov' 1924, p. 113, 124; Г.М.А д и б е к о в, Э.Н.Ш а х н а з а р о в а, К.К.Ш и р и н я. Op. cit., p. 89.

¹⁷ MDR a Edgar, México, 12 de enero de 1924. — RGASPI. F. 495, Op. 108, D. 41, L. 2.

¹⁸ Carta de Luis [antes del 25 de mayo de 1924], Ibid., F. 515, Op. 1, D. 311, L. 24.

¹⁹ Acta Constitutiva del PCM con fines electorales, 22 de mayo de 1924, Centro de Estudios del movimiento obrero y socialista (CEMOS), México, D.F. Colección PCM. Caja 2, folio 5.

²⁰ Stirner a Haya de la Torre, [1924], RGASPI, F. 495, Op. 118, D.2, L. 15; [Woog] al querido HDLT, Moscú, 27 de octubre de 1924. — Ibid. L. 1.

²¹ [Woog?] a Jacques Doriot, Moscú, 27 de octubre de 1924, Ibid., L. 12; [Woog] a HDLT, Moscú, 27 de octubre de 1924, 1; Haya de la Torre a Stirner, Ginebra, 23 de noviembre de 1924. — Ibid., L. 20ob.

²² Haya de la Torre a Stirner [no antes del 9 de diciembre de 1924]. — Ibid. LL. 28—30.

²³ Ibid. L. 31.

²⁴ [Woog] a Haya de la Torre. Moscú, 12 de enero de 1925. — Ibid., L. 34.

²⁵ H.de la T. a Stirner. Paris, 25 de febrero [de 1925]. — Ibid., LL. 2-2ob.

²⁶ [Woog] a Haya de la Torre. Moscú, 12 de enero de 1925. — Ibid., L. 33.

²⁷ История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., Наука, 2000, с. 306 [Istoriya Peru s drevneishih vremen do kontza XX veka][The History of Peru from the ancient years till the end of XXth century]. М., Nauka ed., 2000, p. 306; Г.Б.С к а л о в (ред.). Проблемы Южной и Карибской Америки. М., ИМХиМП при Комакадемии, 1934, с. 105, 223 [G.B.Skalov (ed.). Problemy Yuzhnoi i Karaibskoi Ameriki] [The problems of the Southern and Caribbean Americas]. М., IMHiMP, 1934, pp. 105, 223.

²⁸ M.Díaz Ramírez a Stirner, 27 de octubre de 1925. RGASPI, F. 495, Op. 108, D. 49, F. 76.

²⁹ Carta de M.Gómez, 4 de septiembre 1926. Ibid., F. 515, Op. 1, D. 717, L. 8.

³⁰ Informe del representante de la Comintern en México «Andréi» sobre la situación en el país. 15 de septiembre de 1925. Ibid., F. 495. Op. 19. D. 179. L. 31. — Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка. М., Наука, 1998, с. 57 [Komintern i Latinskaya Amerika] [the Comintern and Latin America]. М., Nauka ed., 1998, p. 57.

³¹ Informe de Andréi al CEIC, 11 de Agosto de 1925, RGASPI. F. 495, Op. 19, D. 17, F. 80.

³² L.J e i f e t s, V.J e i f e t s. ¿Quien diablos era Andréi? Stanislav Pestkovski. Camarada Andréi. Una tentativa de una investigación histórica. Memoria. Boletín de CEMOS, 1999, №3.

³³ Bericht A.Stirner. Ueber die Fuehrung der KP M durch den Gen. Andres. RGASPI. F. 495, Op. 108, D. 61, L.82.

³⁴ Grupo Continental Revolucionario. Salvador de la Plaza, Secretario General, Mexico, 1926. — Ibid., F. 495, Op. 107, D. 3, L. 35.

³⁵ The Polpred's Diary. N/d - Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Мексиканский отдел. Ф. 0110, Оп. 6, Д. 1, Папка 101, Л. 73 [Архив vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (AVPRF). Meksikanskii otдел. F. 0110, Op. 6, D.1, Papka 101, L.73 [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF), Mexican Department. F.0110, Op. 6, D.1, Papka 101, L.73]; Carta del representante de la Comintern en México A.Stirner al Encargado por el Secretariado Latino J.Humbert-Droz, 27 de mayo de 1927. RGASPI. F. 495, Op. 19, D. 181, LL. 92—100.

³⁶ Grupo Continental Revolucionario. Credencial. Salvador de la Plaza. Secretario General, México, a 23 de junio de 1926. RGASPI. F. 495, Op. 107, D. 3, L. 16; Autobiografía de G.Machado (1952). // Carpeta personal de G.Machado. RGASPI. F.495. Op. 200. D. 16. Ch. 2. F. 161-162; Salvador de la Plaza al Camarada Alfredo Stirner, México, a 23 de junio de 1926. RGASPI. F. 495, Op. 107, D.3, L. 15.

³⁷ G. Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista. RGASPI. F. 495. Op. 107. D. 3. L.59.

³⁸ Carta del representante de la Comintern en México A.Stirner al Encargado por el Secretariado Latino J.Humbert-Droz, 27 de mayo de 1927.

³⁹ Informe para el Presidium del CEIC "La situación actual en México", 18 de mayo de 1929. RGASPI. F. 495. Op. 108. D. 100. L. 58.

⁴⁰ Edgar a Manuel, 2 de abril de 1929. — Ibid. L. 3.

⁴¹ PCM a U.Galván, 16 de mayo de 1929. RGASPI. F. 495. Op. 108. D. 105. L. 8; R.Carrillo a Güero [Woog], 15 de julio de 1929. Ibid., D. 104. L. 27; Borrador del telegrama al PC de México elaborado por el Lender-Secretariado del CEIC. Ibid., D. 100. L. 60.

⁴² Informe del CC del PCM al CEIC, 3 de enero de 1930. Ibid. D. 132, LL.7-8.

⁴³ R.M e l g a r B a o. Memoria Roja de los años veinte. Testimonio de Rafael Carrillo. Memoria. Boletín de CEMOS, 1992, N 92. p.57.

Victor L.Jeifets (jeifets@gmail.com)

Dr. Sc. (History), professor of the RAS, professor at the Department of Theory&History of International Relations at the Saint-Petersburg State University and professor at the SUAI University;

Lazar S.Jeifets (ilaranspb@hotmail.com)

Dr. Sc. (History), professor at the Department of American Studies at the Saint-Petersburg State University

Alfred Stirner, the Latin American Revolutionary

Abstract: The authors are showing creative character of development of the Comintern's ties with its national sections in Latin America taking the biography of the Swiss communist Edgar Woog (Alfred Stirner) as the basis for the analysis. Woog's role in a number of episodes, key issues for the Left-Wing movement, such as the Comintern's relations with V. R. Haya de la Torre, the alliance of the Communist Party of Mexico and the National Peasants' League, and the plan of the armed expedition against J. V. Gómez conceived by the Venezuelan Revolutionary party, is thoroughly investigated. The article deals with the analysis of evolution of the Comintern functionary's views and the degree of his independence in an assessment of revolutionary processes in the Western hemisphere.

Key words: Stirner, Edgar Woog, Comintern, Latin America, Mexico, Haya de la Torre, Venezuela.